

ОЛЕСЯ ЛИТВИНОВА

ПЕПЕЛ и СОЛЬ

олеся литвинова

Пепел и Соль

<https://litres.ru/74177603>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь лет колокол в рыбацкой деревне Вербье молчал. Аста привыкла, что единственная память об исчезнувшей бабушке — это тёплый камень на шнурке, который нельзя снимать, показывать и продавать даже в голодный год.

Пока колокол не зазвонил сам.

Оказывается, её мама была не травницей, а последней из ордена, который тысячу лет удерживал границу между миром живых и тем, что лежит по ту сторону. Оказывается, камень на груди Асты — осколок древней Печати, и Печать слабеет. А человек, встретивший её на пути к разгадке — угрюмый наёмник в плаще цвета сухой крови, — искал её двенадцать лет не по доброй воле.

У Асты есть несколько дней, чтобы дойти до руин погибшего города, разобраться, кому можно доверять, и сделать выбор, который не сможет сделать за неё никто, — прежде чем трещина между мирами разойдётся настолько, что закрыть её будет уже некому.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. КОЛОКОЛ	5
Глава 1. Колокол не звонил семь лет	6
Глава 2. Человек, который не боялся волков	9
Глава 3. Соль на языке	12
Часть вторая. ДОРОГА	15
Глава 4. Двенадцать лет поиска	16
Глава 5. Тень у брода	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пепел и Соль

Пролог

Двадцать лет назад город исчез за одну ночь.

Не сгорел. Не был разрушен армией, осадой или чумой. Просто — исчез, словно кто-то стёр его начисто, как стирают неудачный чертёж. На рассвете пастухи, гнавшие отары мимо холмов Крадем-Тира, увидели вместо стен и башен ровное белое поле, тянущееся до самого горизонта. Соль. Тонны соли там, где вчера ещё шумел рынок.

Из всего города уцелела одна женщина. Она бежала три дня без остановки, зажимая под плащом единственное, что успела спасти: тлеющий, тёплый на ощупь камень и собственную ещё не рождённую дочь.

Она не оглядывалась. Она знала: то, что осталось от Крадем-Тира, рано или поздно захочет получить назад то, что она унесла с собой.

У неё было двадцать лет.

Времени почти не осталось.

Часть первая. КОЛОКОЛ

Глава 1. Колокол не звонил семь лет

В Северном Уделе колокола звонили только по трём поводам: пожар, война и смерть короля. Семь лет никто их не слышал — с тех пор как старая Мирейн Тёмный Плащ закрыла глаза в своей башне. Люди в Вербье привыкли к тишине над крышами. Поэтому, когда бронза загудела в то серое утро, никто сразу не понял, что это значит. Все просто остановились: кузнец с занесённым молотом, торговка рыбой с половиной трески в руке, дети, гонявшие по луже деревянный кораблик.

Аста стояла на краю пристани и считала удары.

Один. Два. Три.

Она досчитала до девяти и поняла — это не пожар. Пожар бьют без счёта, лихорадочно, пока не прибежит вся деревня. Девять чистых, ровных ударов с одинаковым промежутком — это извещение. Так звонят, когда хотят, чтобы услышали за много миль.

— Война, — сказал за её спиной старик Уббе, чинивший сеть у соседней лодки. Он не поднял глаз от узла, который вязали его скрюченные пальцы. — Помяни моё слово, девочка. Это война.

Аста промолчала. У неё была причина полагать, что ста-

рик ошибается. Причина эта весила у неё на груди, под рубашкой, на кожаном шнурке: небольшой камень цвета застывшей крови, тёплый даже в самый лютый мороз. Мать называла его «Уголёк» и запретила снимать, показывать и продавать — даже в голодный год. Аста не знала точно, что это такое. Но знала одно: такие вещи не молчат семь лет просто так, чтобы потом остаться в стороне от колокольного звона.

Она сунула сеть в лодку, не закончив работу, и побежала домой — туда, где на холме, среди сосен, стояла покосившаяся хижина, в которой она выросла.

Матери уже не было в живых два года. Иногда, особенно по вечерам, Асте казалось, что она всё ещё чувствует запах трав, которыми та лечила соседских детей, — полынь, зверобой и что-то ещё, чему не было названия ни в одном травнике. Мать никогда не рассказывала о своей жизни до Вербья. На все расспросы отвечала одно и то же: «Раньше меня — не было. Есть только сейчас».

Но приходил человек — раз в год, ровно в день зимнего солнцестояния, — который всегда знал больше, чем говорил. Звали его Кёрт, и последний раз он сказал странную вещь: «Когда зазвонит колокол, которому нечем звонить, — уходи на юг, к Соляным Топям, и назовись Пепельной Дочерью. Тебя встретят».

Тогда это звучало как бред выжившего из ума старика. Сейчас, вслушиваясь, как девятый удар ещё дрожит над крышами Вербья, Аста впервые задумалась — а что, если он не

был безумен?

Уголёк на её груди дрогнул. Впервые за всю её жизнь — сам, без причины, без прикосновения — он стал тёплым.

Аста ещё не знала, что это значит начало конца привычной жизни. Она знала только одно: домой она уже не вернётся прежней.

Глава 2. Человек, который не боялся волков

В трёх днях пути к югу, там, где леса редели и переходили в бурые пустоши, шёл человек. За его спиной волочился рваный плащ цвета высохшей крови. Звали его Ренард Ноль — имя не при рождении, а выжженное на левом предплечье, когда он в шестнадцать лет вступил в орден Пепельных Клинков. Настоящее имя он не произносил вслух уже двенадцать лет. Оно принадлежало мальчику, которого больше не существовало.

Волки шли за ним третий день. Не нападали — просто шли, серыми тенями меж стволов, точно чего-то ждали. Ренард знал, чего: они ждали, когда он ослабеет. Волки Пожранных Земель не были обычными волками — с тех пор как здесь двадцать лет назад разверзся Разлом, всякая тварь, слишком долго прожившая у его края, менялась. Не становилась сильнее. Становилась терпеливее.

Он остановился у ручья, стёр пыль с лезвия и впервые за день заговорил вслух:

— Я слышу вас. Идите обедать в другое место.

Волки не ответили — они никогда не отвечали, — но один, вожак с белой отметиной на морде, посмотрел на него так, будто действительно понял, и вся стая, не издав ни зву-

ка, свернула на восток.

Ренард знал: это не потому, что его испугались. Это потому, что кто-то другой позвал их сильнее.

Он присел на корточки у воды и позволил себе на миг то, что не позволял уже много лет, — усталость. Не телесную. Ту, другую, которая копится не в мышцах, а где-то глубже, там, где человек хранит счёт всему, что потерял. Двенадцать лет пути. Двенадцать лет без дома, без имени, без единой ночи, когда можно было бы уснуть, не выставив нож под руку.

Он давно вывел для себя простое правило, ставшее законом крепче всех заповедей ордена: не хотеть. Ничего. Никого. Хотеть — значит иметь, что терять, а Пепельному Клинку нельзя иметь то, что можно отнять, потому что Дарнак всегда умел находить именно такие рычаги. Двенадцать лет назад, ещё мальчишкой, он видел, что старик сделал с одним из братьев, посмевающим полюбить девушку из соседней деревни, — и с тех пор поклялся себе, что скорее умрёт один, чем даст миру ещё один рычаг против себя.

Он не представлял, что искомая женщина окажется живой, настоящей, с усталыми от долгой дороги глазами и упрямым подбородком. Он готовился встретить пророчество. Не человека.

Колокол, который он услышал накануне на границе с Северным Уделом, был далёким, едва различимым гулом. Но он был первым за семь лет. Он означал одно: Печать на Разломе слабеет. А если Печать слабеет, время, отпущенное Пе-

пелным орденом на поиски Пепельной Дочери — последней хранительницы крови первых Стражей, — заканчивается.

У него в кармане лежала карта, нарисованная от руки старым Кёртом двенадцать лет назад. На ней был отмечен только один город: рыбацкий посёлок Вербье.

Ренард развернулся на север, повторяя себе, как молитву: *найти. Отвести к Печати. Ничего не хотеть сверх этого.*

Он ещё не знал, насколько плохо у него получится сдержать это обещание.

Глава 3. Соль на языке

Аста не взяла с собой ничего, кроме Уголька, отцовского ножа и двух вяленых рыбин — небогатые сборы для дороги в неизвестность. Соседи посчитали её сумасшедшей, когда она объявила, что уходит на юг «по делу матери». Одна лишь старая Гилле, повитуха, поймала её за рукав у околицы и сказала тихо:

— Твоя мать была не просто травница, девочка. Я помню, как двадцать лет назад она пришла в Вербье — на сносях, с тобой под сердцем — и попросила, чтобы никто и никогда не спрашивал, откуда она явилась. Я не спрашивала. Но теперь, раз ты уходишь — послушай меня: если встретишь человека в плаще цвета сухой крови, не беги от него. Он не враг.

Аста не успела спросить, откуда Гилле это знает. Повитуха уже отвернулась и захромала прочь, словно и не говорила ничего важного.

Дорога на юг шла вдоль побережья, потом сворачивала в холмы, а дальше терялась среди бурых пустошей — их в Вербье называли просто Дурными Землями и обходили за три дня пути. Аста никогда не бывала так далеко от дома. На третий день лес начал редеть, а воздух — странно, необъяснимо — отдавал привкусом соли, точно она жевала морскую воду, хотя моря здесь быть не могло. Аста поняла: она вышла туда, где кончаются обычные карты.

В сумерках она увидела костёр — маленькую жёлтую точку среди серых холмов. Всякий разумный человек обошёл бы его стороной. Аста пошла прямо к нему. Не потому что была смелой. Потому что Уголёк на её груди впервые в жизни стал горячим, почти обжигающим, и что-то внутри — не голос, но похожее на голос — тихо сказало ей: *иди*.

У костра сидел человек в рваном плаще цвета сухой крови и точил нож, не поднимая головы.

— Ты опоздала на семь лет, — сказал он, не оборачиваясь. — Впрочем, это не твоя вина. Садись, Пепельная Дочь. Нам предстоит долгий разговор — и ещё более долгая дорога.

Аста замерла на краю света костра, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а на языке всё ещё стоит призрачный вкус соли.

— Откуда вы знаете, кто я? — спросила она.

Человек наконец поднял взгляд — и на мгновение задержал его на её лице чуть дольше, чем того требовала простая проверка. Глаза у него были светлые, почти бесцветные, будто выжженные изнутри, но что-то в них дрогнуло, словно он увидел не только камень у неё на груди, но и её саму — усталую, упрямую, с сажей на щеке от долгой дороги, — и не сразу нашёл, куда деть этот взгляд.

Не смотри так долго, — приказал он себе, с непонятным раздражением осознав, что уже нарушает собственное правило меньше чем через минуту после встречи. Она задание. Груз, который нужно донести. Ничего больше.

— Потому что камень у тебя на груди светится, — сказал он вслух, отводя глаза первым. — И потому что я двенадцать лет искал единственную женщину на свете, у которой он мог бы оказаться.

Он не пригласил её ближе. Но и не отогнал. Просто по-двинулся — на ладонь, не больше, — освобождая ей место у огня, точно делал это машинально, ещё не осознав зачем, и уже жалея о собственной руке, двинувшейся без спроса у разума.

Часть вторая. ДОРОГА

Глава 4. Двенадцать лет поиска

Костёр трещал, пожирая сухой вереск, и в его свете лицо Ренарда казалось вырезанным из камня — резкие скулы, шрам через бровь, ни единой мягкой черты. Аста села напротив, не сводя с него глаз, и всё-таки не притронулась к протянутому куску вяленого мяса.

— Расскажите всё, — сказала она. — С самого начала. Или я разворачиваюсь и иду домой.

— Домой ты уже не вернёшься, — ответил Ренард без злобы, просто как факт. — Не потому что я тебе запрещаю. Потому что за твоей спиной сейчас идёт кое-что похуже волков, и оно чувствует Уголёк так же ясно, как чувствую его я.

Он бросил нож в ножны и наконец заговорил — медленно, будто вытаскивал слова из глубокого колодца.

— Двадцать лет назад, на юге, там, где сейчас Соляные Топи, стоял не пустырь, а город. Крадем-Тир — столица Стражей Печати, ордена, который тысячу лет удерживал Разлом между нашим миром и тем, что лежит по ту сторону. Стражи владели особой кровью. В ней жил отголосок первой магии — той, что запечатала Разлом при сотворении мира. Пока эта кровь жила, Печать держалась.

— Держалась — и что случилось?

— Предательство. Один из Стражей, Верховный хранитель Дарнак, решил, что Печать можно усилить одной боль-

шой жертвой — сжечь тысячу жизней ради одной вечной. Он ошибся. Или солгал — этого мы так и не узнали. Крадем-Тир исчез в одну ночь. На его месте осталась соль — тонны соли, словно море выпарилось за секунду. Из всего ордена уцелела одна женщина. Беременная. Она бежала на север и больше никогда не называла своего настоящего имени.

Аста почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Моя мать.

— Твоя мать, — подтвердил Ренард. — Она унесла с собой последнюю каплю крови Стражей — ту, что течёт теперь в тебе. А камень, который она называла Угольком, — это осколок самой Печати. Всё это время, пока он молчал, Печать держалась на остатках старой магии. Колокол, который ты слышала три дня назад, звонил не в Вербье. Он звонил в Соляных Топях — сам по себе, без человеческих рук. Потому что Печать впервые за двадцать лет дала трещину.

Он посмотрел на неё в упор.

— Мне нужно отвести тебя туда. Не потому что я хочу этого. Потому что если Разлом откроется полностью, не будет ни Северного Удела, ни Вербья, ни кого-либо, кто сможет об этом хотя бы пожалеть.

Аста долго молчала, глядя в огонь. Уголёк на её груди пульсировал ровно, в такт сердцу — впервые с тех пор, как она себя помнила, ей казалось, что она слышит его удары так же ясно, как свои собственные.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но если вы совра-

ли хоть в одном слове — я узнаю. И тогда уже не ваш нож будет решать, кто здесь опаснее.

Уголок губ Ренарда чуть дрогнул — почти улыбка.

— Кровь Стражей всегда была с характером, — сказал он.

— А у вас какой характер был до ордена? — вдруг спросила она. — До того, как вас превратили в Ренарда Ноль?

Вопрос застал его врасплох. Он долго смотрел в огонь, прежде чем ответить.

— Не помню. Мне было четыре года. Помню только, что боялся темноты и очень любил петь — бессмысленно, себе под нос, любую мелодию, какую слышал. Орден быстро отучил меня от того и от другого.

— Жаль, — тихо сказала Аста. — Мне бы хотелось послушать, как вы поёте.

— Этого, — он посмотрел на неё, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на панику, — точно не случится.

Но уголок его губ снова дрогнул, на этот раз дольше, и Аста поняла, что для человека, двенадцать лет не позволявшего себе улыбаться, это было почти признанием.

— Идём на рассвете, — сказал он, отворачиваясь чуть резче, чем требовалось. — Пока можешь — спи. Дальше будет не до сна.

Она легла у костра, завернувшись в собственный плащ, слишком тонкий для здешних ночей. Часа через два, сквозь дрему, она почувствовала, как что-то тяжёлое и тёплое опустилось ей на плечи. Приоткрыв глаза, она увидела спину Ре-

нарда — он сидел спиной к ней, глядя в темноту, безоружный на вид, хотя она уже понимала, что это не так, — и поняла, что он отдал ей свой плащ. Свой единственный плащ, в холодную ночь, у самой границы Дурных Земель.

Она не стала ничего говорить. Просто закрыла глаза, вдыхая чужой запах — дыма, кожи и чего-то, что пахло как дальняя дорога, — и уснула крепче, чем за все последние семь дней.

Ренард просидел так до утра, ни разу не сомкнув глаз, говоря себе, что дело в бдительности, в долге, в опасности, которая может явиться из темноты в любую минуту.

Он знал, что лжёт себе. Он просто не мог перестать смотреть, как она дышит во сне.

Глава 5. Тень у брода

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.